

ПУШКИНСКИЙ «ПАМЯТНИК»
В ЭСТОНСКОМ УЧЕБНИКЕ:
«КАНОНИЗАЦИЯ» ОДНОГО ПЕРЕВОДА

Анна Веселко
(Тарту)

В настоящей статье мы обратимся к одному эпизоду из истории формирования школьного литературного канона, точнее — «пушкинского школьного канона» в инокультурной среде. За любым каноническим автором обычно закреплен ряд не менее канонических, «классических» текстов, которые, в свою очередь, работают на создание «правильного» образа писателя. Мы попробуем показать на материале разных переводов одного пушкинского стихотворения, каким образом отбирались канонические тексты в школьные учебники, или, конкретнее, — по каким критериям перевод определялся как подходящий или не подходящий для учебного пособия.

Школьный литературный канон имеет достаточно большой вес в культуре и играет важную роль в закреплении представлений о тех или иных авторах и их творчестве. Сам по себе канон — это явление социальное, поскольку, как писал З. Леффлер, «канон лишь тогда является каноном, когда он обязательно признан обществом» [Леффлер: 192] или, как минимум, большей его частью. Естественно, что в свете этого процесс канонизации должен протекать так, чтобы в него было вовлечено как можно большее количество людей, поэтому школа становится главным институтом, способным охватить молодежь и воспитать читателя с определенным «багажом» литературных и культурных представлений.

Первенство Пушкина в иерархии русских литераторов до сих пор остается бесспорным¹, поэтому пушкинский канон занимает

¹ Между тем, «любовь к Пушкину» стала фактом исключительно русской культуры. Для западного наблюдателя центральное положение Пушкина в русской литературе не является очевидным, и европейская иерархия русских классиков будет строиться совершенно иначе.

важнейшее место в русском литературном каноне в целом. Складывался он постепенно и эволюционировал под влиянием исторических, политических и культурных факторов. Миф о Пушкине начал формироваться еще при жизни поэта, любой поворот в его биографии добавлял новые сюжеты, развитие которых продолжилось и после смерти писателя. Большую роль в канонизации Пушкина сыграл В. Г. Белинский, написавший в одной из статей цикла «Сочинения Александра Пушкина», что «поэзия Пушкина удивительно верна русской действительности <...>: на этом основании общий голос нарек его русским национальным, народным поэтом...» [Белинский: 332]. Именно Белинский оформил и развил потенциальную мифологию о Пушкине как о «нашем, народном поэте». Влиятельная критическая концепция была принята публикой и подтолкнула механизм запоминания — «национальным поэтом» и «солнцем поэзии» Пушкин остается до сих пор.

С 1880 г., когда в Москве был установлен памятник поэту работы А. М. Опекушина, начался отсчет пушкинских юбилеев в России. Первая попытка использования мифа в политических целях была предпринята в 1899 г., в год столетия со дня рождения поэта. Новый, «официальный» Пушкин был русским патриотом, был предан царю и православной вере.

По той же модели впоследствии строился советский пушкинский миф — в ходе масштабной кампании по всесторонней популяризации Пушкина. Как пишет О. С. Муравьева, «мифологизация Пушкина пошла под знаком провозглашения его <...> “нашим”, народным поэтом, страдавшим и непризнанным в царской России и лишь теперь понятым и оцененным по заслугам» [Муравьева: 127]. Обратим внимание на то, что советский миф явственно перекликается с официальным пушкинским мифом 1880–1890 гг. Несмотря на политические перевороты, общее направление мифологизации изменилось не полностью. «Патриотизм» остался неотъемлемым качеством Пушкина, к которому лишь добавилась «любовь к простому народу». Зато «преданность царю» и «верность православию» сменились прямо противоположными качествами: ненавистью к царизму и непреклонным антиклерикализмом. «Пушкин» быстро захватил все сферы культурной и общественной жизни — Пушкиным публично и печатно восхищались как литераторы, так и простые люди. Всенародная любовь была одной из важнейших составляющих совет-

ского мифа о Пушкине. Пушкин печатался огромными тиражами, которые они неизменно раскупались. Например, В. Мануйлов приводит такие цифры: «За десять лет до революции — с 1907 по 1916 г. — произведения Пушкина были напечатаны в количестве 5,1 млн. экземпляров. За годы революции — с 1917 по 1936 г. — выпущено свыше 21 миллиона книг Пушкина» [Мануйлов: 26]. В советской культуре обновленный, «идейно-выдержанный» образ Пушкина сформировался буквально за два десятилетия.

И здесь школа была одной важнейших институций, которая воспитывала у советских учащихся представления о «классической» литературе и «лучших ее авторах». Учебные программы, даже видоизменяясь, все же оставались достаточно консервативными в своем содержании, и обычно вопросов о том, кто именно является «главным русским писателем», не возникало. Идея главенства Пушкина и иерархия других русских писателей транслировалась через учебники и хрестоматии, в результате чего формировался школьный канон русской литературной классики.

В национальных республиках школа становилась еще и институтом насаждения русской литературы как части новой советской культуры. Эстония, вошедшая в состав СССР в 1940 г., после недолгого периода независимости вновь испытала сильное влияние русской культуры. Агентом идейного воспитания стал в Эстонии не Пушкин как таковой, а «канонический Пушкин», приспособленный для советского читателя. Сценарии «советизации» уже были разработаны, советский литературный канон уже устоялся. Поэтому его освоение должно было пройти легко. Однако вспомним, что рецепция русской литературы в Эстонии к тому времени имела уже длинную историю. В том числе в досоветской Эстонии было и свое собственное, сформировавшееся представление о Пушкине, а также традиция переводов Пушкина на эстонский язык.

О рецепции пушкинского творчества в Эстонии немало писали, в частности, Ю. К. Пярли и С. Г. Исаков². В конце XIX в.

² См., например: *Исаков С. Г.* Русская литература в Эстонии в XIX веке: дисс. ... д-ра филол. наук. Тарту, 1973; *Исаков С. Г.* О восприятии творчества Пушкина в Эстонии конца XIX века // Пушкин и литература народов Советского Союза. Ереван, 1975; *Пярли Ю. К.* Поэзия А. С. Пушкина в Эстонии (1880–1940): дисс. канд. филол. наук. Тарту, 1987; *Пярли Ю. К.* Пушкин в восприятии эстонской культуры

интерес к Пушкину в Эстонии был слабым. В начале XX в. он немного вырос, но эстонская интеллигенция читала Пушкина избирательно: преимущественно романтическую лирику и поэмы. Он был интересен как автор образцовых лирических произведений, что связано с расцветом лирического направления в собственно эстонской литературе той эпохи. Когда вектор развития эстонской литературы сместился к реализму, переводчиков заинтересовал Пушкин-реалист.

1930-е гг. были отмечены всплеском интереса к творчеству русских писателей. Из статьи эстонского поэта и литературоведа Г. Суйтса видно, что к вопросу знакомства эстонцев с творчеством Пушкина подходили серьезно, при этом не только в школе: “Puškini luuletusi tuli tahes või tahtmata pähe õppida <...> Puškini värssi ja proosa kooli lugemisele lisandage ta lavateoste nägemist teatris, ta meeleolulisi motiive ooperiaarias, ta sulava sõnailu sädelust kontserdilaulus — kõik see kuulub vene kirjanduse helgemate mõjude liiklemisse” [Suits: 218]. Ю. К. Пярли объясняет феномен возобновившегося интереса к личности и творчеству Пушкина, а также прочих русских писателей тем, что СССР «все чаще стал привлекать внимание эстонцев как главная потенциальная сила, способная противостоять фашизму, как оплот мира» [Пярли: 154]. Русские классики начали возвращаться и в школьную программу, и в сферу переводческого труда. В 1936 г. вышел сборник переводов из Пушкина под заглавием «Избранная поэзия». Переводчиками были А. Орас, Б. Альвер, Х. Тальвик и П. Вийдинг — писатели, чьи имена связывались с литературной группой «Арбуяд».

Основная масса переводов в сборнике 1936 г. принадлежала А. Орасу. Выдающийся представитель эстонской академической литературной критики и человек широко эрудированный, А. Орас видел проблему перевода иностранных текстов на эстонский язык по-своему. Так, он считал, что позволено приблизительное семантическое соответствие перевода оригиналу, если переводчику удалось создать произведение, равное подлиннику по воздействию на читателя. Орас-переводчик старался не столько передать смысл оригинала, сколько найти или создать эквивалент пушкинским поэтическим приемам. Он стремился развивать эстонский

поэтический язык, использовать его потенциал. После эмиграции Ораса его переводческие «вольности» стали поводом для критики, мотивировкой для изъятия его переводов из обращения.

Можно предположить, что по указанным причинам в эстонских школьных учебниках по литературе советского времени переводам А. Ораса просто не будет места. Мы обследовали восемь учебников (с пятого по седьмой класс), написанных в разные годы А. Сельметом. Эти учебники широко использовали в 1949–1955 гг., о чем свидетельствует почти ежегодное переиздание серии. Действительно, из помещенных в них 12 пушкинских переводов лишь один принадлежит А. Орасу — перевод «Зимнего утра». Он появился в первом издании учебника для V класса (1951 г.) и исчез из последующих. К 1950-м гг. существовало не так много переводов лирики Пушкина, однако у А. Сельмета выбор между переводом Ораса и другого автора неизменно решался не в пользу первого. Чаще всего составитель учебников отдавал предпочтение переводам Б. Альвер, которая по праву считается одним из лучших переводчиков Пушкина на эстонский язык.

Однако с пушкинским «Памятником» дело обстоит иначе. Хотя Б. Альвер перевела это стихотворение, выбор составителя пал на перевод Я. Кярнера. «Памятник» занимает значительное место в пушкинской лирике, поэтому неудивительно, что к 1955 гг. стихотворение было переведено несколько раз. Первый современный перевод «Памятника» относится к 1936 г., он был выполнен А. Орасом и впервые опубликован в той же «Избранной поэзии». Второй появился через год в журнале “Kommunismi teel” и был сделан Я. Кярнером. Третий принадлежит Б. Альвер и впервые был напечатан в 1949 г. в ее совместном с А. Сангом сборнике переводов из Пушкина.

Почему же был признан «образцовым» и помещен в учебник именно перевод Я. Кярнера? Понять, почему не подошел перевод А. Ораса, несложно. В советский период его критиковали за неточность переводов, хотя главной причиной «изъятия» его переводов, была, конечно, эмиграция. Уже в 1940 г. Я. Кярнер пишет разгромную статью “Moonutatud Puškin”, в которой анализирует переводы А. Ораса в том же самом сборнике. Точнее, Кярнер критикует Ораса за частые расхождения с оригиналом, упрекая в том, что из-за этого у читателей создается неполное и неверное представление о Пушкине как о поэте и личности. В своей статье

он полностью разносит около 30 переводов и лишь об 11 стихотворениях говорит, что с ними Орас «более или менее справился». При этом орасовский “Ehegi monumentum” расценивался современниками как наиболее поэтический из эстонских переводов «Памятника». Финальная часть статьи ярко иллюстрирует изменившееся отношение к А. Орасу как переводчику: “Meie pooremad põlvkonnad, kel puudub võimalus Puškinit algkeeles lugeda, ei tohi sellele geeniuuse loomingust saada nii võõrast kujutlema, nagu nad saavad, usaldades ilma kriitikata A. Orase kiidetud tõlkeja-võimeid” [Kärner: 525]. Для советской официальной культуры Пушкин был гением, автором совершенных произведений, наполненных прогрессивными идеями. Именно разъяснению этих идей должна была посвящаться большая часть уроков по русской литературе. Следовательно, перевод, отклонявшийся от оригинала, мог оцениваться исключительно как порча и не считался пригодным для школы. Позитивная оценка переводов Ораса в независимой Эстонии (в частности, высказывание Х. Пауксона о том, что переводы Ораса «даже лучше оригинала», см. [Paukson: 70]) сыграла с ним плохую шутку.

Основной претензией Кярнера к орасовскому переводу «Памятника» стало то, что при переводе строки «не зарастет народная тропа» переводчик использовал слово “rööbel”, которое можно перевести как «чернь». Негативные коннотации этого слова позволяли критику утверждать, что А. Орас пожертвовал идейной составляющей ради красоты всего стихотворения. В свете советской концепции «народа» допустить этот оборот было невозможно, и поэтому перевод Ораса становился неприемлемым для советской школы.

При этом Кярнер заявляет, что в остальных частях перевода таких «ошибок» нет — далее Орас вполне следует оригиналу, однако этого недостаточно. Кярнера не устраивает «искусственность» слога переводчика. В частности, рифмованная пара “tiibleb – viibleb” и такие слова, как “helahtab”, “häädushurm” и пр. В эстонском литературном языке таких слов нет, это авторские неологизмы. Так, “helahtab” — это поэтический вариант эстонского “heliseb”, т. е. «звучит», но со значением кратковременного действия, “uhm” — вызывающее поведение, упрямство, “neef” — видимо, авторская сокращенная форма причастия “neetud” в зна-

чении «навек проклясть» (так у Ораса появляется «навек проклятая плоть», образ которой у Пушкина отсутствует).

Следует отметить, что 30-е гг. XX столетия — это период, когда под влиянием Й. Аавика эстонский язык развивался наиболее активно. Изменялся как лексический состав языка, так и грамматика. Однако не все неологизмы закрепились в эстонском языке. Слова из перевода Ораса, которые приводит Кярнер, относятся к их числу. Несмотря на потенциальную вероятность существования этих слов (например, глагол *tiibleb* происходит от слова *tiib* — «крыло», и может быть переведен как «трепещет»), в литературный язык они не вошли, в современных словарях отсутствуют. Возможно, что в 1940–1950-е гг., когда официальная власть перестала поощрять литературные эксперименты как способ развития языка, они стали восприниматься неоднозначно, как языковая игра или как уклонение от языковой нормы.

Кярнер практически не пишет о передаче пушкинских образов в переводе Ораса, при том, что поэтические новации не только на лексическом, но и на образном уровне Орасу не чужды. Выше мы упомянули образ «проклятой плоти», однако дополнения переводчика им не ограничиваются. Так, пушкинским строкам «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал» у него соответствует “*Ning püsib armastus mu vastu Vene hiius — / mu vastu, kellelt hing tal häädushurma jood*” [VK VII: 169]. В этой строке мы видим еще один пример авторского неологизма — “*häädushurm*” можно интерпретировать как «очарование доброты». Причем если “*hurm*” вполне литературное слово, то “*häädus*” — это южно-эстонский вариант эстонского “*headus*”, т. е. «доброта» (южно-эстонский диалект обычно использовался как резервуар эквивалентов для русских поэтических славянизмов). Таким образом, Орас добавляет и стилистический нюанс.

Кярнер в конце статьи привел в качестве примера переводческой удачи свой собственный перевод «Памятника», скромно заявив, что он «отвечает замыслу оригинала, использует пушкинские художественные приемы и по возможности точен» [Kärner: 524]. Действительно, Кярнер в своем варианте «Памятника» буквально следовал за оригиналом.

Между тем, перевод Б. Альвер следует за ним не в меньшей степени, поэтому причины выбора стихотворения для учебника А. Сельмета требуют анализа. Мы не будем сравнивать переводы

построчно, а укажем лишь на основные особенности, позволяющие составить представление о них.

Я. Кярнер сохраняет как риторическую структуру пушкинского оригинала, так и набор образов: например, характерный для русской поэтической традиции образ лиры — ср. у Пушкина «в заветной лире» и “lüüral leekival”, или «чувства добрые я лирой пробуждал» и “lüüral äratust ma headusele toonid”. В двух других переводах этот образ утрачен, хотя Б. Альвер использует в предпоследнем четверостишии близкий образ арфы. Конечно, у Кярнера лира — «пламенеющая», она явно отличается от «заветной» (с ее библейскими коннотациями), но этому переводчику вообще свойственно усиливать образность пушкинских строк. Так, стих «не зарастет народная тропа» в переводе Кярнера звучит как “ta juurde iialgi ei rohtu rahva tee”. Переводчик добавил слово *iialgi*, «никогда», которое не находит соответствия в оригинале, поэтому вместо «не зарастет» выходит «никогда не зарастет» — что выглядит как усиление. В целом же у Кярнера расхождений с оригиналом немного — наоборот, он точно следует за пушкинским текстом, избегая словотворчества и введения новых образов.

Б. Альвер позволяет себе гораздо больше свободы. Это проявляется, прежде всего, в целом ряде новых, отсутствующих в оригинале образов, что меняет смысл пушкинских строк. Расхождения начинаются с первой же строки. Если у Кярнера сохранена пушкинская «нерукотворность» памятника (ср. “mis pole tehtud käega”), то у Альвер акцентировано появление памятника еще при жизни поэта (ср. “ausamba rajasin ma endal eluaegu”). И хотя этот смысловой нюанс подразумевается и в оригинале, в переводе он акцентирован сильнее. Можно сказать, что уже в первом четверостишии, которое, пожалуй, является наиболее памятным в пушкинском стихотворении, Б. Альвер позволяет себе отступление от оригинала, задающие тональность ее перевода.

Вторая строка, о «народной тропе», у Б. Альвер звучит так: “täis rahva radasid on ümberringi maa”. Смысл этой строки отличается от строки пушкинской — если в оригинале тропа не зарастет ни сейчас, ни в будущем, то Б. Альвер помещает действие в конкретный момент, на вечность не нацеленный — вокруг памятника толпы народа уже сейчас. Таким образом, у Пушкина — это явление, отнесенное к будущему времени, т. е. предполагаемое,

а у Альвер время настоящее, из-за чего меняется сюжетная перспектива.

Изменения общего плана можно наблюдать и в других строках. Интересное решение Б. Альвер нашла для строки «и назовет меня всяк сущий в ней язык». У Пушкина «язык» — это двойная метонимия: «народ, племя», «представитель народа» и, наконец, орудие говорения. Б. Альвер вводит слово “*koduhõim*” в сочетании “*koduhõimu suus*”. Это слово может быть переведено как «родное племя», а “*suu*” — рот, уста (хотя тут возможен и не буквальный перевод). Переводчик раскрывает метонимию, используя два близких по смыслу слова вместо одного многозначного. Для сравнения, в переводе Кярнера мы видим “*iga rahva suus*”.

Наконец, Альвер добавляет в перевод образы, которых не было в оригинале — ср. у Пушкина «И долго буду тем любезен я народу, / Что чувства добрые я лирой пробуждал» и у Альвер “*Mind kalliks peetakse ja kuulates mu laule / uus põlvkond meenutab, et ...*” [Looming: 643]. «Нового поколения», которое должно «вспомнить» о заслугах автора, в стихотворении Пушкина нет, хотя идея преемственности, конечно, присутствует. Возможно, Альвер «дополняет» перевод отсылками к авторскому контексту, вспомним хотя бы стихотворение «Здравствуй, племя младое, незнакомое...» и др.

Мы не будем здесь оценивать переводы, определять их сравнительные достоинства. Переводчики явно стремились к точности, старались передать образность пушкинского стихотворения, его ритмику и строфическую организацию. Возможно, некоторые отклонения от оригинала были обусловлены стремлением сохранить его ритмический облик. Как известно, эстонский язык более экономичен, чем русский (средняя длина слова в эстонском меньше), поэтому лексические «наращения» почти неизбежны, если переводчик ставит перед собой цель сохранить ритм оригинала.

Тем не менее, Б. Альвер явно следует по стопам А. Ораса, позволяя себе некоторые переводческие вольности. Она, скорее всего, учитывала текст Ораса, на что указывает совпадение некоторых синтаксических и лексических конструкций (ср. “*Ei, täitsa ma ei kao!*” у Ораса и Альвер; а также “*Oo kuula jumalat mu muus*” у Ораса и “*Oo kuula jumalat, mu vaba Muusa!*” у Альвер). Альвер была близко знакома с Орасом, работала вместе с ним, поэтому вполне возможно, что эти параллели являлись одновременно

и напоминанием, указанием на «Памятник» Ораса, и в то же время данью уважения переводчику.

Как нам представляется, интенции переводчиков были разными. Для Ораса оригинал был менее важен, чем стремление к развитию эстонского поэтического языка — именно поэтому он так свободен в переводе. Кярнер, наоборот, даже слишком близко следует за оригиналом, ему важно максимальное соответствие и адекватность перевода. Подход Альвер менее радикален — она позволяет себе больше переводческой свободы, чем Кярнер, но при этом остается ближе к оригиналу, чем Орас. Очевидно, она избирает срединный путь: не вводит неологизмов, но при этом не отказывается от некоторой вольности, пытаясь соблюсти равновесие между двумя подходами.

Видимо, всем этим можно объяснить, почему составитель учебника предпочел перевод Кярнера. Как было сказано выше, Пушкин — слишком значимая фигура в советском школьном литературном каноне, чтобы можно было позволять «отклонения» от оригинала при переводах. Перевод Я. Кярнера, хоть и сделанный еще до вступления Эстонии в СССР (показательно, однако, что напечатали его в журнале с говорящим названием “*Kommu- nismi teel*”), вполне отвечал основным требованиям — он максимально близок к оригиналу и при этом не перегружен отсутствующими у Пушкина образами. И поскольку выбор перевода для учебника — это этап канонизации, очень важно, чтобы и сам текст был максимально близок к каноническому. Именно поэтому предпочтение было отдано Кярнеру, а не Альвер. Именно поэтому был благополучно «забыт» перевод «неблагонадежного» Ораса, который более характеризовал один из этапов развития эстонской поэзии, чем отображал характер Пушкина-поэта. Между тем и образ поэта, и текст переводов его произведений должны были быть безупречными. Ради максимального соответствия оригиналу в образном и содержательном планах (наполнение которых регулировалось все тем же каноном) можно было пренебречь поэтической выразительностью перевода. Таким образом, выбор перевода пушкинского «Памятника» для школьного учебника А. Сельмета иллюстрирует не только историю бытования русского литературного канона в инокультурной среде и историю советской педагогики, но и показывает, как менялись принципы поэтического перевода в Эстонии.

ЛИТЕРАТУРА

VK VII: Vene kirjandus VII klassile / Ants Selmet. Tallinn, 1951.

Looming: Looming. 1949. Nr 6.

Белинский: *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина. Статья пятая // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. Т. 7. М., 1955.

Леффлер: *Леффлер З.* Кто решит, что нам читать? // Знамя. 2003. № 11.

Мануйлов: *Мануйлов В.* Любимый поэт Советского Союза // Портреты любимых писателей. Петрозаводск, 1937.

Муравьева: *Муравьева О. С.* Образ Пушкина: исторические метаморфозы // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1995.

Пярли: *Пярли Ю. К.* Из истории рецепции поэзии А. С. Пушкина в Эстонии в 1930-е годы // Проблемы пушкиноведения. Рига, 1983.

Kärner: *Kärner, J.* Moonutatud Puškin // Varamu. 1940. Nr 5.

Paukson: *Paukson, H.* Aleksander Puškin: valik luulet // Kunst ja kirjandus. 1936. Nr 18.

Suits: *Suits, G.* Posthuumne Puškin // Looming. 1937. Nr 2.